

Виталий Романов
ЗВЕЗДНЫЙ НАДЗОР

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Роман Дмитриевский

Виталий Романов
Звездный Надзор

«ЭКСМО»

Романов В.

Звездный Надзор / В. Романов — «Эксмо», — (Роман
Дмитриевский)

© Романов В.

© Эксмо

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виталий Романов

Звездный надзор

Часть I

Запах беды

Ночь выдалась темной, безлунной, но большой мобиль, медленно двигавшийся по дороге, не включал фар. Человек, сидевший за рулем, все время наклонялся вперед, всматриваясь в трассу. Если бы не очки ночного видения, он вряд ли смог бы провести машину узкой проселочной дорогой.

– Черт! – ругнулся пассажир, сидевший рядом с водителем. – Поаккуратнее никак?

Машина не спеша выбралась из ямы, куда угодила передним колесом, выровнялась, проехала еще чуть вперед и остановилась.

– Кажется, это здесь, – пристально вглядываясь в ночную мглу, произнес сидевший за рулем. – Ну-ка, глянь, Страк!

Он передал прибор ночного видения пассажиру, устало откинулся на спинку кресла, ожидая, пока спутник внимательно изучит стоявшее неподалеку здание.

– Похоже на дом Николаса Болдвейна! – согласился Страк, оборачиваясь к трем коллегам, расположившимся на задних креслах. – Один в один, как на стереофото. Приехали, ребята! Выгружаемся... Дальше на мобиле опасно, идем пешком.

Позади раздалось сопение, звуки нескольких увесистых пинков. Один из пассажиров спросонья начал громко возмущаться тем, что его разбудили.

– Эй! – рыкнул главарь, привинчивавший глушитель к автомату. – Тише! Быстро собрались и двинулись! Найк! Убери тачку с дороги, куда-нибудь в сторону, в кусты. Чтоб не светилась... Потом догонишь нас.

– Есть, босс! – ответил водитель, снова включая двигатель.

Четверка людей проверила оружие, выскользнула из теплого салона в ночную мглу, быстро растворилась в темноте, двигаясь по направлению к одиноко стоявшему дому. Первый нес в руках сканер и время от времени поглядывал на экран прибора.

– Ну что там, Рони? – поинтересовался Страк, пытаясь взглянуть на дисплей из-за спины подручного.

– Всё путем, – ответил тот, поворачивая прибор экраном к главарю. – Один человек внизу, на кухне, думаю, Рэчел Болдвейн. Двое наверху, в спальне – дочери. Посторонних в доме нет. Вокруг, в саду и на прилегающей местности – никакой активности.

– Отлично! – оскалился главарь. – Как обещали. Начинаем работать.

Вооруженные люди растеклись вокруг дома, блокируя окна и входную дверь. Действительно, свет горел только на кухне, на втором этаже было темно и тихо, а потому не оставалось сомнений, что дочери Николаса Болдвейна спят. Как только Страк получил сигнал, что все люди вышли на позиции, он кивнул девушке, ожидавшей чуть позади.

Тонкая гибкая фигурка в черной кожаной куртке и таких же штанах приблизилась к двери, осторожно постучала. Страк и еще один из его людей ждали неподалеку от входа, подняв стволы с повернутыми приборами бесшумной стрельбы. Вроде, посторонних в доме нет, но лучше не рисковать.

– Кто там? – раздался из-за двери нервный голос.

– Рэчел Болдвейн? – приветливо спросила девушка, стоявшая перед входом. – Леди, простите за беспокойство, мне необходимо поговорить с Рэчел Болдвейн.

– Это я, – ответила из дома женщина, не открывая дверь. – А в чем дело?
– Меня зовут Люция Коррадо. Я привезла посылку от Николаса Болдвейна, вашего мужа...
– От Николаса? – с сомнением спросила Рэчел, все еще колеблясь.
– Ну да, – подтвердила девушка.
– Так поздно? – не сдавалась женщина, явно не желавшая отпирать дверь ночью.
– Леди Рэчел! – как бы теряя терпение, проговорила незнакомка в черном. – Я приехала из космопорта, я – служащая астроконпании, стюардесса лайнера «Андромеда». Николай очень просил завезти вам небольшую посылку, пришлось пойти ему навстречу, сделать огромный крюк, чтобы добраться...
– Ой, простите! – смутилась Рэчел, гремя замками. – Сейчас открою вам... Люси...
– Люция, – немного нервно поправила девушка, чувствуя, как за ее спиной выросли две фигуры с оружием в руках.
– Сейчас-сейчас, минуточку. Огромное вам спаси... – Рэчел, наконец, распахнула дверь и увидела направленные ей прямо в лицо стволы автоматов.
– Тихо! – прошипел Страк. – Без шума и паники! Пошла в дом. Быстррро!!!
Женщина побелела и стала медленно сползать по косяку вниз.
Бандиты подхватили Рэчел Болдвейн и затащили в холл, бросили на тахту.
– Людвиг, Рони, Люция – наверх, проверить девчонок! – распорядился Страк. – Чтоб тихо было! Если запаникуют – вкатить укол снотворного. Аккуратно! Без трупов!
– Есть, босс! – бандиты исчезли на втором этаже.
– Что вам нужно? – с трудом спросила Рэчел, пытаясь приподняться с ложа.
– Кофейку бы, – спокойно ответил Страк, глядя в наполненные ужасом, непонимающие глаза женщины. – Кофейку! Слыхала?! А то ночь длинная, еще долго ждать, пока Николай Болдвейн выйдет на связь...
– Господи, но что...
– Тихо! – оборвал Страк, активируя портативный коммуникатор. – Да, босс! Да, в порядке. Мы в расчетной точке, все по плану. Да, без отклонений. Пусть Круг выходит на позицию...

* * *

– Трум-турурум, дырявое корыто, трум-турурум, лала-лала-лала, – напевал Мишель Бертран, размахивая левой рукой в такт мелодии. Высокий, худощавый стажер, расположившийся в кресле главного навигатора, лишь изредка бросал взгляды на контрольную панель автопилота.

Временами Мишель прекращал «дирижировать», но только потому, что указательный палец правой руки копался в ноздре, которая сильно чесалась. Эта чесотка в носу, да еще легкое головокружение, которое постепенно исчезало, были единственными следствиями «прыжка» корабля. Все прошло очень неплохо. От друзей Мишель наслушался разных ужасов о том, что на старых сухогрузах переходы через подпространство переносятся далеко не так легко, как на новых, суперсовременных лайнерах. Но чесотка в носу – это мелочь.

Настроение у Бертрана было отличное, его первый полет в качестве стажера подходил к концу. Несколько часов назад сухогруз «Одинокый Бродяга» благополучно завершил гиперпространственный переход и вынырнул из черного тоннеля небытия в расчетной точке, как раз возле созвездия «Северная Корона». Дыра та еще, лишь одна планета по типу земной, это было известно Мишелю еще со времен летного училища, но выбирать не приходилось – после окончания «учебки» следовало проходить практику на грузовых судах, неспешно таскавших всякий хлам между звездами. Хотя в своей песне Бертран упоминал про «дырявое корыто», ему

то как раз для курсантской практики достался не худший вариант – вполне современный сухогруз, с приличным дедвейтом, недавно прошедший регламентные работы. Не какая-нибудь там посуда, с трудом ныряющая в подпространство и со скрипом вылезая обратно.

На экипаж Мишель тоже не мог пожаловаться – старожилы «грузовика» во главе с капитаном Николасом Болдвейном относились к новичку с пониманием, особо не муштровали, и хотя временами допускали безобидные приколы, но грань чувствовали хорошо, не унижая курсанта.

В общем, Бертрану было грех жаловаться на жизнь – еще несколько часов хода на обычных маневровых двигателях, потом «Одинокий Бродяга» войдет в зону устойчивой связи с Лаурой, запросит добро на посадку, а там... Денек-другой поторчать в порту, может, при случае, послоняться по планете, чем-то похожей на Землю, просто помаяться дурью. И – обратный переход, на базу. Нормальная практика. А там, глядишь, и распределение начнется – если повезет, так попадешь на хороший пассажирский лайнер, где вся команда верхней палубы постоянно ходит в белых мундирах с золотыми погонами, где девчонки из пассажирского отсека вовсю поедают глазами любого навигатора – что командира, что зеленого курсанта... Эх...

Бертран размечтался, представляя, как он будет важно прогуливаться вдоль огромных иллюминаторов пассажирской палубы, снисходительно отвечая на заранее угадывающиеся вопросы:

- Господин офицер, а мы уже завершили переход?
- Ой, как красиво! А какая это звезда?
- Скоро ли посадка, сэр?

И хотя Мишель отлично знал, что две трети экипажа пассажирского лайнера не показываются на верхней палубе, не носят белых мундиров, работая в поте лица, все равно рисовать в воображении такие картины было приятно...

А сейчас он сидел в рубке небольшого грузового корабля, до конца вахты оставалось еще более двух часов. Это была самая легкая смена – во время подпространственного перехода никто не подпустил бы стажера к пульту управления. И потом не подпустят – когда наступит время маневрировать вблизи Лауры. Только сейчас, пока сухогруз идет постоянным ходом, подчиняясь заложенной программе, Мишеля оставили в рубке одного.

Стажер быстро огляделся по сторонам – никого. Впрочем, Бертран и так знал об этом, капитан и старший помощник ушли по своим каютам, отдохнуть после гиперпрыжка. Им еще предстояло поработать в конце рейса, и сейчас кэп принял решение дать команде небольшую передышку. На посту, в машинном отделении, находился только второй механик-моторист, а другие члены экипажа протирали койки в своих каютах. Никто не наблюдал за Мишелем со стороны, а потому он сладко потянулся в кресле, закинул длинные худые ноги на пульт, на самый краешек, чтобы случайно не зацепить панели управления.

Мониторы лобового обзора транслировали панораму звездного неба, детекторы пространства были спокойны – никаких помех по курсу движения судна не наблюдалось. Мишель закрыл глаза...

Он был еще очень неопытен, чтобы насторожиться. Все шло слишком хорошо и спокойно. Любой старожил знает, что это верный признак приближающейся беды. Но, даже если бы у Мишеля Бертрана было чуть больше практики, он все равно не смог бы понять, что за медленно ползущим «Одиноким Бродягой» внимательно наблюдают чужие глаза. Холодные, равнодушные глаза, им не было дела до белых мундиров, о которых мечтал курсант летного училища. Им был безразличен даже «Одинокий Бродяга» – на его месте мог оказаться любой другой корабль, если бы он шел к Лауре. Но так уж сложилось, так уж легли карты, что именно «Бродяга» двигался в нужном направлении – грузовой корабль, неспешно тащивший в своих трюмах геологоразведочное оборудование для поселенцев Лауры...

Еще несколько дней назад нужный человек в порту отправления грузовика сделал короткий звонок по фону, после чего было просканировано досье «Бродяги», те, кто сейчас следил за сухогрузом, узнали всё о капитане судна, экипаже, грузе. И пришли к выводу, что корабль подходит для их целей. Тогда большая игра и началась. Теперь наступало время делать первый серьезный ход.

Всего этого не мог знать курсант Мишель Бертран, а потому он сидел в кресле главного навигатора, прикрыв глаза, закинув ноги на пульт, подремывая. До встречи с обладателем холодных глаз ему оставалось прожить всего несколько часов.

* * *

Капитан «Одинокого Бродяги» Николас Болдвейн перевернулся на спину, пытаясь найти такое положение, в котором не ныла бы спина. Он недовольно поморщился, устраиваясь поудобнее на койке. Заснуть не удалось. В последнее время Николасу становилось все труднее переносить гиперпространственные переходы. Сейчас он вспоминал годы молодости, когда такой проблемы для него вовсе не существовало. Вроде и техника тогда была похуже, и здоровьем он не особенно дорожил – а вот поди ж ты! Тогда все шло с рук, а теперь после каждого перехода ломит кости, да еще он заметил, что стали появляться проблемы с давлением. Шумит в ушах, странный привкус во рту, начались головокружения. Возраст, черт побери, возраст! Никуда от этого не денешься.

Николас пристально разглядывал потолок своей рубки, вспоминая дом. Там он иногда лежал на кровати, точно так же глядя вверх, разглядывая трещинки в краске... Дом, его собственный дом, в котором он жил с женой и двумя дочерьми, достался ему по завещанию. Пожалуй, это самое лучшее наследство, какое только мог оставить отец, собственный дом, в который можно возвращаться из дальних рейсов. Чтобы вот так, никуда не торопясь, ни о чем не думая, лежать и рассматривать трещинки в потолке...

Сейчас Николас находился не дома, металлический потолок его каюты был идеально ровным – таким, каким положено быть у сухогруза, недавно прошедшего регламентные работы. Капитан в который раз считал, сколько лет ему осталось до пенсии. Он старался заставить себя не думать об этом, отключиться от таких мыслей. Но поневоле, снова и снова, начинал перепроверять – сколько еще? Сколько рейсов придется сделать за оставшийся срок? Он знал, что эти подсчеты не дадут никакого успокоения – поскольку выходило, что мучиться еще долго, а каждый новый подпространственный переход давался все труднее и труднее. Хорошо еще, что пока никто не замечает, как ломает капитана после прыжков... А если б заметили? Что тогда? Всегда найдется доброхот, который доложит в медицинскую комиссию. И за неизбежными тестами по расширенной программе последует столь же неизбежное досрочное увольнение с флота, выход на пенсию, но совсем не с тем денежным содержанием, которое хотел бы получить Николас Болдвейн. Он всегда должен помнить о том, что у него две дочери. Бог не наградил сыном, ну да это ничего. Жаль, конечно, что на старости не будет наследника, который мог бы помочь, стать опорой и просто обеспечить родителей. С дочерьми все-таки сложнее. Но Николас не сильно переживал по этому поводу. Болдвейн уже давно принял для себя как свершившийся факт, что он должен заработать на приданое дочерям. Это его дети. А все остальное – уже не важно.

Сегодняшний переход дался Николасу тяжело, очень тяжело. Гораздо труднее, чем все предыдущие. Болдвейн лежал на койке, напрасно пытаясь уснуть. Теперь, в таком возрасте, силы восстанавливались гораздо медленнее. Чтобы довести корабль до Лауры, требовалась свежая голова, а он никак не мог отключиться, хотя бы ненадолго. Это злило. Николас никогда в жизни не прибегал к медикаментам без особой необходимости, а сейчас жалел, что не выпил

снотворное. Возможно, он бы уже давно спал. И к своей самой главной – предпосадочной – вахте подошел бы в хорошей форме. А теперь поздно.

Поздно! И... да! Что-то беспокоило капитана. Он рассматривал потолок, пытаясь понять – отчего так тревожно внутри? От того, что в рубке остался зеленый новичок? Так нет, автоматика не допустит серьезных отклонений от заданной программы. От мыслей о том, что еще много рейсов до пенсии? Это да, огромная бездна – непонятно, как ее осилить, если и дальше так пойдет с гиперпереходами. Но что-то еще... Да. Что-то еще, что не получается выразить словами.

Николас Болдвейн медленно поднялся с койки, несколько минут посидел, морщась от того, что перед глазами побежали светлые звездочки – давление, чтоб его... Потом поднялся, взглянул на часы. До смены вахты оставалось еще много времени. И все же он решил проверить рубку, от греха подальше. Никогда ведь не знаешь, какую глупость подскажет человеку его воображение. Как там курсант?

Капитан вышел из каюты и медленно побрел в сторону центра управления, еще не предполагая, что пройдет совсем немного времени, и он забудет о проблемах с давлением, с ломотой в спине – забудет прочно, так, как он и хотел.

Только вряд ли будет этому рад.

* * *

Один шаг, другой, третий... двадцать второй. Быстрый поворот. И все сначала. Один шаг, другой... От стойки робота-секретаря – мимо двери в кабинет – до огромного видеомонитора, отображавшего картину звездного неба за бортом... Старший лейтенант Роман Дмитриевский опускался на стул, но вновь вскакивал с места и начинал метаться от одной стены до другой. Стройный, светловолосый крепыш с голубыми глазами, в ладно сидевшей форме, не находил себе места. Двадцать два шага. Роман вновь и вновь прокручивал в голове предстоящий разговор с командующим Звездным Надзором, в сотый раз задавал себе вопрос: рапорт об увольнении из ЗвЕНа, лежавший в кармане – это малодушие? Единственный выход? Бегство? Расплата за ошибку? А память услужливо возвращала его назад, к неудачной операции Надзора на Дента-пять. Память рисовала каждую черточку, каждый мелкий штрих, восстанавливая события шаг за шагом, медленно и неспешно. И это знание заставляло офицера сжимать кулаки, вскакивать со стула, снова метаться по кабинету, ожидая вызова к Адмиралу...

... Дента-пять – последняя планета звезды Беллатрикс, несгоревшая в пламени космических битв, – осталась единственной уцелевшей во времена Великой Анархии. Кровавые события долгое время разворачивались в стороне от этой звездной системы, и лишь на закате Анархии, когда основные силы мятежников уже были подавлены, а бои происходили на окраинах освоенного людьми пространства, смерть докатилась и сюда. Флот Межгалактического Союза подошел на выручку слишком поздно.

Когда крейсера третьей армии закончили подпространственный переход и вышли к Беллатриксу, перед глазами людей оказались лишь пылевые облака да горящие обломки планет – атомный удар не оставил шансов никому из поселенцев. По какой-то странной случайности уцелела лишь Дента-пять, почему удар пощадил ее – никто позднее не смог ответить, так как некого было спрашивать. Командующий третьей армией лично возглавил погоню за кораблями, уничтожившими звездную систему.

«Пленных не брать» – таков был приказ. Один из рейдеров мятежников, когда его настигли крейсера, выбросил белый флаг, но был расстрелян из тяжелых орудий. Два других корабля, понимая, что терять им нечего, дрались яростно, надеясь успеть скрыться от преследования по подпространственному тоннелю, но на запуск генераторов ПП-перехода у них просто не хватило времени. Крейсера третьего флота били в упор, расстреливая всё, что двигалось:

спасательные шлюпки, разведботы, тела в скафандрах высшей защиты... Никто из мятежников, уничтоживших планеты Беллатриска, не спасся. А потому долгое время загадкой оставался вопрос, почему ядерный удар пощадил Денту-пять.

Позднее геологи МегаСоюза обнаружили на планете залежи ценного минерала белумия, колония поселенцев стала медленно разрастаться. Минерал давал обитателям Денты небольшой, но стабильный источник доходов. Росли дети, строились школы, десятилетия спокойной жизни отделили Денту от ужаса войны. Но беда вернулась.

Что же не понравилось аналитическому отделу ЗвеНа в кодовых сигналах, которые шли из центра спецсвязи планеты? Для старшего лейтенанта Романа Дмитриевского это осталось загадкой. Группа мониторинга планет и систем использует свои методы, очень часто не допуская в свою «кухню» посторонних. Офицер Дмитриевский входил в боевое подразделение ЗвеНа. Роман и двое его коллег получили приказ аккуратно проверить Денту-пять.

Посадка трех кораблей-разведчиков ЗвеНа прошла успешно. Пилоты мобильной группы сумели незаметно миновать охранные поля Денты, грамотно используя при этом защитно маскирующие генераторы десантных капсул. Разведка ЗвеНа высадилась точно в указанных командованием районах: около жилого городка, полускрытого от света звезды в кронах огромных деревьев, а также поблизости от рудников, где добывался белумий. Третья контрольная точка – центр спецсвязи – оставался за старшим лейтенантом Дмитриевским. Это был самый трудный объект, и потому его доверили офицеру, который обладал наибольшим опытом проведения спецопераций. Роману Дмитриевскому также было поручено координировать разведывательную миссию ЗвеНа с поверхности планеты.

Когда наблюдатели вышли к расчетным точкам и наладили устойчивую связь по шифрованному каналу, наручный монитор Дмитриевского подал короткий звуковой сигнал и скинул на дисплей серию цифр, свидетельствовавших о том, что все идет по плану.

– «Фортресс», здесь «Сокол-1». Сели по графику, поддержка не нужна, – тотчас передал старший лейтенант в эфир. Мини-компьютер мгновенно превратил человеческую речь в набор цифр, зашифровал сообщение, скинул его на борт десантного корабля Романа. Уже через доли секунды антенна, нацеленная в сторону крейсера прикрытия ЗвеНа, «выстрелила» сообщение, и тут же передатчик ушел в офф-лайн. Все шло как обычно: минимум «телодвижений» в эфире, предельная маскировка разведгруппы на обследуемой планете, аккуратность и быстрота действий.

Крейсер Надзора был готов в любую минуту поддержать мобильную группу шквалом огня или, при необходимости, забрать офицеров на борт. Впрочем, никто не планировал, что придется применять орудия главного калибра на Денте-пять, аналитический отдел перестраховался, выделяя столь мощное прикрытия мобильной группе. Еще несколько ударных кораблей класса «Призрак» барражировали вокруг планеты, на некотором удалении, чтобы раньше времени не тревожить радары колонистов своим присутствием.

– Отбой, – удовлетворенно произнес вахтенный офицер в ходовой рубке крейсера, поворачиваясь к командующему разведоперацией. – Господин вице-адмирал, «соколы» доложили прибытие на место. Кажется, обошлось... – Он поднял микрофон внутренней связи к губам: – Расслабьтесь, ребята.

Среди десантников штурмового отряда прокатилась волна оживления. Кто-то перевел оружие на предохранитель, вытирая пот со лба, кто-то отпустил пошлую шутку, скрывая дрожь в пальцах. Веселый гогот прокатился по отсеку...

Роман словно бы видел эту картину своими глазами – он десятки раз бывал на месте парней из штурмовой группы. Снова и снова вслед за этим десантные корабли ЗвеНа падали на планету с максимально возможным ускорением. Пилоты выжимали из металла все, что можно, и даже больше, но не успевали. Не успевали! Как тогда...

Мечась в приемной Адмирала, старший лейтенант Дмитревский корчился от боли, как будто это произошло с ним...

Иллюзия благополучия разбилась на осколки очень быстро. Уже через несколько минут после выхода на расчетные позиции один из разведчиков доложил Роману о том, что полускрытый в тени деревьев город пуст. Прошло лишь несколько мгновений, и второй офицер, забывая о шифровке, открытым текстом сообщил старшему лейтенанту Дмитревскому, что поселенцы обнаружены – они согнаны в каменные пещеры рудника. Детекторы пси-поля показывали «большое скопление живых организмов» в дальних шахтах, а также фиксировали «незначительные пси-возмущения» у входа в рудник. Это, несомненно, была охрана.

Уже позднее, когда все закончилось, аналитики Надзора выяснили: центр спецсвязи Денты-пять передавал стандартные сигналы благополучия лишь потому, что операторы боялись за жизнь своих близких, взятых в заложники. А Роман Дмитревский узнал, что один из техников-связистов скончался от сердечного приступа во время захвата центра спецсвязи, потому на его «ключе» работал другой человек. Именно это насторожило аналитический отдел Звездного Надзора, привело к развертыванию операции по проверке планеты. Новый оператор имел другой «почерк» работы, непохожий на руку умершего. Но все это было потом.

А в тот момент старший лейтенант Дмитревский включал радиомаяк, давая пеленг кораблям ЗвЕна для захода на центр спецсвязи. И бежал, бежал к разведкораблю, со всех ног, чтобы успеть к рудникам, туда, где были заложники, куда высаживалась десантно-штурмовая группа Надзора, которой был отдан приказ – любой ценой спасти людей.

Они работали очень быстро. Первая группа выбросилась именно туда, где в шахтах томились поселенцы. Мягкими, кошачьими перебежками десантники двигались вперед, уничтожая бандитов, охранявших подступы к рудникам. Все было сделано грамотно – корабль ЗвЕна развернул радиоэлектронный «зонтик» над местом схватки, блокируя связь, десантники использовали бесшумное оружие и пси-детекторы.

Чуть позже, лишь на полшага, силы Надзора блокировали космопорт, центр спецсвязи, жилые кварталы. Этого небольшого промедления оказалось достаточно, чтобы с планеты успел стартовать один корабль. Он бы, несомненно, был перехвачен при отходе от Денты, но бандиты, находившиеся на борту, включили систему подпространственного перехода, даже не выйдя за верхние слои атмосферы.

Это было безумием, любой школьник знал, что наличие крупных тел вблизи генератора ПП-поля обязательно приведет к искажениям характеристик гиперпрыжка. Туннельный эффект мог забросить корабль-камикадзе в любую точку Вселенной. Впрочем, от залпа крейсера огневой поддержки бандитов отделяли лишь несколько минут хода. Терять было нечего. Корабль исчез с радаров, нырнув в подпространство, и тут же стала ясна причина стремительного бегства.

Уже понимая, что схватка проиграна, террористы активировали систему уничтожения, бессмысленно и жестоко, выпустив отравляющий газ в подземные гроты, куда были согнаны пленники. Когда десантники в скафандрах высшей лазерной защиты прорвались к гротам, в них уже никто не стрелял. Бандиты, успевшие скрыться с планеты на корабле, убили и соратников, отвечавших за охрану заложников. Ненужные свидетели... Десантники успели вытащить из пещер не всех – один из каменных мешков оказался очень длинным и узким.

Роман, слишком поздно прибывший к месту событий, стоял и смотрел, как его товарищи выносили из-под земли тела мертвых колонистов.

– Один... Два... Три... Четыре... Пять... – шептали его деревянные губы, лицо превратилось в жуткую маску. – Семь... Восемь... Девять... Девять... Девять...

Где-то за спиной проревели турбины еще одного корабля, и Дмитревский краем сознания зафиксировал шепот: «Адмирал! Норт Свенссон прибыл». Но старший лейтенант не обер-

нулся. Он смотрел, как из грота осторожно выносят последние жертвы. Молодую женщину, прижимавшую к груди маленькую девочку.

Роман стоял тогда совсем близко, и хотя что-то мешало смотреть, он все же сумел разглядеть: у малышки очень спокойное лицо. Девочка улыбалась, как будто во сне. Как если бы заснула на руках у мамы совсем ненадолго, всего на чуть-чуть, чтобы потом снова играть или заниматься важными детскими делами. Наверное, до самого конца мама рассказывала ей сказку со счастливым финалом. И девочка поверила, что сказка уже пришла. Закрыла глаза. Только тогда женщина замолчала. Лицо ее было совсем еще живым, мокрым от слез. Казалось, надо только осторожно потрясти за плечо, и она проснется.

Слишком поздно. И ничего уже не изменишь. Над головой светила звезда, яркая, непохожая на земное солнце, по небу бежали облака, шелестели листья гигантских деревьев. А Роман смотрел и смотрел на спокойное лицо девочки, на мокрое от слез лицо матери. Потом широкая спина Адмирала заслонила все. Норт Свенссон подошел туда, к носилкам, опустился на колени.

* * *

Николас Болдвейн, капитан «Одинокого Бродяги», медленно брел по коридорам жилого отсека, временами останавливаясь. Каюты, каюты... Их в два раза больше, чем людей на борту транспортника. По-хорошему, в экипаже обязательно должен быть врач. Конечно, грузовик двигался по обжитой людьми зоне, в случае возникновения проблем, всегда можно запросить помощь у ближайшей звездной системы. Но Николас еще помнил времена, когда его экипаж был укомплектован полностью.

Это теперь молодежь стала капризной – всех тянет на пассажирские лайнеры, многопалубные красавцы, курсирующие между обжитыми галактиками. После Великой Анархии народ хватался за любую работу – не до жиру... Пару десятков лет назад от желающих работать в экипаже обычного грузовика не было отбоя, Николас хорошо помнил это. У него уже родилась первая дочь, а он, второй помощник капитана на «Безропотном», старом грузовом судне, мотался между звездами, делая все возможное, чтобы обеспечить семью...

За спиной остались годы службы в грузовом флоте, курсантская школа, первые полеты, совпавшие с лихими временами Великой Анархии. Тогда, конечно, пассажирских перевозок было гораздо меньше. Напуганные долгими войнами люди жалась к планетам, стремились как можно реже подвергать себя опасности. Это теперь стали модными космический туризм, курортные пляжи, миграция с планеты на планету, поиски престижных институтов или, того хуже, «оазисов развлечений»... Молодежи только дай волю – тут же забьет себе голову всякой дурью.

Вон, и Мишель Бертран, сопливый стажер, впервые «прыгнувший» на грузовом корабле через гиперпространство и счастливо улыбающийся при этом, мечтает о белом мундире «пассажирки». Тоже, небось, спит и видит, как пройдет стажировку и вытянет счастливый билет – распределение на круизный лайнер. Эх, времена!

Николас невесело усмехнулся. В его экипаже молодым можно было назвать только второго механика, Роберта Полянского, каким-то чудом задержавшегося на сухогрузе после курсантской практики. Возможно, все дело в том, что Роберт обожал копаться в двигателях. Если бы он был хоть чуточку поамбициознее, давно бы нашел себе место на другом судне. А ведь у парня золотые руки! Таких любой ценой надо держать в экипаже... Да разве ж чем-то удержишь? Нынче не те заработки в грузовом флоте, что во времена Анархии. Теперь почти нет риска, а без риска и цена за доставку груза уже другая.

Капитан вздохнул, продолжая брести к центру управления. Коридор заканчивался изгибом, за которым открывался путь в управляющий отсек. Последняя каюта перед поворотом –

Роберта Полянского. Николас на мгновение задержался у нее, помедлил, потом вспомнил, что второй механик сейчас на вахте – в машинном отделении.

Болдвейн свернул в аппендикс. На этом типе грузовых кораблей была немного странная коридорная система: ровная как стрела жилая часть заканчивалась поворотом, за которым начиналась зона управления. Поначалу, когда Николас лишь получил назначение на «Одинокого Бродягу», он долго привыкал к этой планировке. Впрочем, за семь лет работы на сухогрузе все стало родным и привычным, Болдвейну уже давно не казалась диковиной такая «архитектура» корабля.

Николас быстро пересек короткий коридор, толкнул створку в ходовую рубку. В первую секунду он замер, не в силах пошевелиться.

– Трум-турурум, дырявое корыто, трум-турурум, лала-лала-лала, – напевал Мишель Бертран, развалившись в кресле первого пилота. Ноги стажера лежали на пульте навигатора, а левая рука выписывала в воздухе кренделя в такт мелодии.

Капитан Болдвейн отличался спокойным, уравновешенным характером. Он мало говорил и редко выходил из себя, но временами невидимая плотина внутри прорывалась, и тогда экипаж расползался по всем щелям, чтобы избежать «цунами».

– Кхм, грхм, – прочистил горло Николас, медленно наливаясь бешенством.

Бертран с грохотом свалился с кресла. Через миг он уже был на ногах, красный, как рак.

– Господин капитан! – пролепетал он. – За время несения вахты нештатных ситуаций и происшествий не было! Докладывал курсант Ми...

– Что?! – прогремел Николас, и его рык заплясал в узкой рубке, вновь и вновь отражаясь от стен. Лицо Бертрана вмиг стало белым, как бумага. – Нештатных ситуаций не было?! А это как называется?! – Болдвейн ткнул толстым пальцем в курсанта. – Зеленый стажер несет вахту, закинув ноги на пульт управления!!! Да я вам, курсант, такую характеристику выпишу по окончании практики, что вы у меня ни на один дерьмовоз устроиться не сможете! Я... Я...

Николас захлебывался слюной, а Бертран с каждым выкриком становился все ниже и ниже, он словно таял от гнева капитана, как снеговик, случайно оказавшийся под жарким солнцем.

– Совсем распустилась молодежь! О лайнере мечтаешь?! Ты у меня всю жизнь кнехты на причале напильником драить будешь!!!

Мишель уже не знал, куда спрятаться от этого потока слов, от бешеных глаз командира. И тут на пульте вспыхнул красный сигнал аварийного оповещения. SOS. Николас мгновенно замолчал, вытаращившись на пульт.

– SOS, – неуверенно пробормотал Мишель Бертран, все еще опасаясь, что новый приступ гнева размажет его по палубе.

– SOS! – повторил Болдвейн, тупо глядя на мигающий датчик. Потом глаза капитана приобрели осмысленное выражение. – SOS, курсант!!!

Николас рывком переместился в кресло первого пилота, перевел сухогруз на ручное управление. Его руки уверенно забегали по пульту, активируя сканирующие радары, запуская бортовой анализатор, инициализируя программно-расчетный комплекс судна.

– Курсант! – холодно приказал Болдвейн. – Занять место второго пилота! Сигнал экипажу: SOS! Идем на помощь попавшим в беду! Всем занять места согласно авральному расписанию!

Мишель мигом оказался в кресле рядом с командиром, искренне радуясь тому, что неприятная ситуация на время отошла на второй план. Вдруг повезет, и дело действительно серьезное? Есть шанс, что капитан забудет о своих страшных обещаниях... Быть может, если проявить себя с лучшей стороны во время аврала, Николас Болдвейн не станет выполнять свои угрозы и писать такую характеристику... Это было бы просто здорово!

Трижды прозвучал сигнал тревоги – это руки Мишеля забежали по пульту, выполняя предписанные действия. Все четко по инструкции! Бертран быстро считывал показания бортового анализатора.

– Цель – одиночная, малоскоростная. Пеленг – сто двадцать, курсовой угол – тридцать два, угол над условным горизонтом – восемнадцать. Дистанция – семьдесят условных единиц, – доложил он.

– Тип корабля? – уточнил капитан, маневрируя двигателями, чтобы направить сухогруз к нужной точке.

– Похоже, прогулочный шлюп, сэр, – с некоторым опозданием ответил Мишель. И добавил: – Не удастся точно идентифицировать! Цель маломестная, на грузовик точно не тянет. Но и на «пассажирку» совсем непохожа. Сигналы другие.

– Включай телеметрию, – приказал Болдвейн, активируя передатчик. – Аварийный борт, аварийный борт, отзовитесь! Слышим сигнал SOS, идем в вашу сторону. Я – грузовой корабль «Одинокий Бродяга», нахожусь от вас в полутора часах хода. Как слышите, прием!

– Телеметрия запущена, – успел проговорить Мишель, и в этот момент створка двери за спиной хлопнула. В рубку ворвался первый помощник капитана – Альфредо Карлос.

– «Бродяга», прием, я аварийный борт, SOS! Малый катер «Аризона», прошу помощи! Прием!!!

– Тьфу ты, – едва слышно прошипел старпом над ухом Бертрана. Потом шла совсем тихая тирада из ругательств, уже на родном языке Карлоса. И снова шепот: – Опять прогулочное корыто поломалось! А нам курс из-за него менять!

– «Аризона», я «Одинокий Бродяга», прием! Следую в вашу сторону, доложите повреждения. Сможете ли продержаться до нашего подхода?

– «Бродяга», я «Аризона»! Спасибо за отклик! Полтора часа продержимся. Докладываю повреждения: вышел из строя маршевый двигатель катера, медленно дрейфуем в сторону Альфеки. На борту – экипаж из двух человек и пассажир. Запас кислорода – около двенадцати часов. Прием.

– «Аризона», вас понял! Все в порядке. Будем в расчетной точке через один час тридцать три минуты. Ремонт маршевого двигателя не обещаем, но заберем всех. Место на судне есть. Прием!

– Спасибо, «Бродяга»! Даю сигнал пеленг-маяка.

– До связи.

Альфредо Карлос от досады прищелкнул пальцами.

– Э-э-эх, кэп! Ну что нам так везет? Второй раз в этом году поломанный катер на буксире тащить...

– Может, и не потащим, Альфредо, – задумчиво произнес Болдвейн, поглаживая подбородок. – Теперь у нас груз, рейс должен быть выполнен в согласованные сроки. Иначе, сам знаешь, попадем на штрафные санкции. Так что, думаю, снимем людей, забросим их на Лауру, вместе с грузом, а уж там как они выкручиваться станут – не наша головная боль.

– Кэп, они ж будут умолять спасти их дырявое корыто! Плакать начнут, что в него деньги вложены. А если мы бросим прогулочный шлюп – он точно грохнет на Альфеку!

– Там будет видно, старпом. Может, у них корыто застраховано. А пока – принимай управление. Пройдусь по судну, прикинем вместе с боцманом, куда разместить «гостей».

– Есть, сэр!

Альфредо Карлос занял место первого пилота, дружески подмигнул Мишелю Бертрану, тихо молившемуся о том, чтобы капитан навеки забыл о неприятной истории. Но командиру было не до провинившегося курсанта. Непонятная тревога поселилась в сердце, скреблась и шевелилась внутри и, как ни старался Николас Болдвейн выгнать ее, снова и снова напоминала о себе.

Подсознание Болдвейна, опытного капитана с тридцатилетним стажем полетов, шептало, что надо пройти мимо терпящего бедствие катера. Но Николас усилием воли подавил приступ малодушия. Он знал, что никогда в жизни не нарушит устав космического братства. По сигналу SOS любой корабль обязан оказать помощь...

* * *

– Старший лейтенант Дмитревский, зайдите к Адмиралу, – пропел робот-секретарь красивым женским голосом, и Роман замер посередине каюты с поднятой ногой.

Уже через миг он был у входа в кабинет, нервно оправляя руками форменные брюки. Выдохнул, распахивая дверь в отсек:

– Старший лейтенант Дмитревский по вашему приказанию прибыл!

– Садись, Роман, – Адмирал приветственно махнул рукой, на миг оторвавшись от картины звездного неба. Иллюминатор в кабинете Норта Свенссона был предметом особой гордости командующего Звездным Надзором. Огромное окно, во всю стену, не видеомонитор, как было модно, а именно толстое прозрачное стекло, за которым открывался отличный обзор на взлетные полосы базы. Временами яркие вспышки отражались в металлических конструкциях, размеченные светящейся краской причалы окутывались клубами дыма – стартовали корабли ЗвЕна, заступавшие на боевое дежурство. И на всю эту суету, не мигая, смотрели звезды.

На фоне черного неба и разноцветных вспышек Адмирал выглядел внушительно. Двухметровый седой великан стоял молча, заложив руки за спину.

– Я ... лучше ... так ... – выдал из себя Роман, непослушными руками расстегивая карман, в котором лежал рапорт.

Норт Свенссон медленно обернулся, рассматривая офицера. Дмитревский никак не мог справиться с пуговицей. Наконец, он все же вынул бумагу, развернул сложенный вчетверо лист и аккуратно положил его на стол. А потом сделал шаг назад и замер по стойке «смирно».

Командующий Звездным Надзором долго и внимательно читал рапорт, временами его взгляд замирал, становился глубоким, отсутствующим. Словно Адмирал думал о чем-то своем... Потом он бросил лист в сторону, встал из-за стола. Медленно прошелся по кабинету, задумчиво глядя на картину за иллюминатором.

Дмитревский все так же ждал, вытянувшись по струнке.

– Ты не виноват, Роман! – тихо сказал Норт Свенссон. – Поверь мне...

– Виноват, командир! Виноват! Я координировал операцию на Денте, и если мы не смогли спасти всех заложников, то кто же...

– Согласно статистике, при решении задач такой сложности спасти *всех* заложников почти невозможно. Сколько раз мы проводили операции по освобождению пленников – столько раз были жертвы.

– Но это не снимает с меня личной ответственности за произошедшее, господин Адмирал!

– Это хорошо, старший лейтенант, хорошо, когда офицер правильно понимает свой долг. Но, если я буду разбрасываться кадрами, после каждого такого рейда, кто будет тащить лямку службы? Еще раз говорю: в подобных случаях почти невозможно спасти всех заложников!

– Сэр, я не могу класть человеческие жизни на чашу весов статистики! Я проводил операцию, мы не смогли спасти людей!

Норт Свенссон оглянулся, окидывая взглядом молодого офицера, заложил руки в карманы, раскачиваясь с пяток на носки. Хмыкнул. И снова вернулся к созерцанию звездного пейзажа:

– Ты не виноват, Роман. К тебе не может быть вопросов!

Перед мысленным взором старшего лейтенанта Дмитревского вновь возникли черные, открытые рты гротов, из которых десант выводил пленников. «Голодные рты, – не к месту подумал офицер. – Ненасытные». Он вспомнил лица тех, кого не успели спасти. Судорога боли исказила лицо. Взгляд старшего лейтенанта метнулся по каюте, пробежал по спине Адмирала, уперся в стол.

Многоканальный коммуникатор, подставка для ручек, визитница. Рапорт, чуть в стороне. Бумаги, бумаги, бумаги. Грудой. Лежат в полном беспорядке, для вида... Для вида? Прикрывая собой... *Прикрывая собой пистолет!* Изумленный взгляд старшего лейтенанта Дмитревского метнулся вверх. Бездонная черная глубина спокойных глаз Адмирала...

Норт Свенссон поднял рапорт со стола, зачем-то взвесил его, а потом вернул упрямому офицеру. Не давая открыть рта и вымолвить хоть слово, произнес:

– Меня вызывают в правительство МегаСоюза. Для отчета по операции на Денте-пять. Возможно всё, даже отставка. Короче, так: либо я вернусь, и тогда мы снова поговорим по данному вопросу, либо подашь рапорт новому командиру. Все! Разговор окончен.

Старший лейтенант Дмитревский на автопилоте выполнил команду «кругом» и на деревянных ногах вышел из кабинета, осторожно прикрыл за собой дверь. В приемной он задержался, прислушиваясь. Выстрел мог прозвучать в любую секунду...

* * *

Трель видеофона настойчиво врывается в сознание.

– М-м-м, – промямлила Дженифер, пытаясь заползти с головой под подушку. Вредный аппарат продолжал надрываться, все громче и громче. Несомненно, это был отец. Только он способен звонить так рано, да еще и столь настойчиво.

Не открывая глаз, Дженни нащупала трубку, подняла ее.

– М-м-м...

– Вставай, соня! Уже одиннадцать! – Конечно, это был отец...

– Как?! – Дженифер даже приоткрыла глаза. – Папочка, *еще только* одиннадцать?! И ты меня будишь?!

– Ребенок, за лето ты совсем отвыкнешь от нормальной жизни. Кто заставляет тебя гулять по ночам или до чертиков в глазах таращиться в головизор?

– Папочка, но у меня же каникулы... – Дженни перевернулась на кровати, потягиваясь всем телом, откинула черные волосы с лица.

– Хватит дрыхнуть! Позавтракаешь, а потом забеги, пожалуйста, ко мне. Дело есть.

– Какое?

– Вот зайдешь, тогда и узнаешь. Пока!

Дженифер весело фыркнула. Вечно отец что-то придумает, но ему обязательно надо создать атмосферу таинственности, чтобы дочь помучилась. В прошлый раз тоже пускал-пускал пыль в глаза, а потом оказалось, что на грузовом корабле геологи привезли поющий камень с Эридана, о котором она давно просила отца. Шикарный подарок на окончание школы.

Дженифер сбросила одеяло в сторону, сладко потягиваясь и прикидывая, чем отец хочет удивить ее в этот раз. С тех пор как мама умерла, Тагор Рол отчаянно баловал дочь. Дженни точно знала, что отец чувствует себя виноватым перед ними обеими. Во-первых, Тагор Рол управлял центром спецсвязи в невообразимой глуши, на Лауре, где поселенцев было менее двухсот человек. Во-вторых, они осели на этой планете десять стандартных лет назад, или около шести по местному календарю. Здесь год гораздо длиннее обычного, земного. Тихая провинциальная планета, где основное занятие людей – разведка месторождений, а население – геологи и их семьи. Неспешная, почти деревенская жизнь. На все это Тагор Рол обрек свою

семью... Он не предполагал, что его жена никогда уже не увидит Землю, останется спать вечным сном на Лауре.

Дженни выросла на этой планете, Землю помнила плохо и не скучала по родине так, как мать. Девушка привыкла ко всему – к зеленым океанам деревьев, закрывавших небо, к другому календарю, согласно которому ее возраст приближался к двенадцати годам. До поры до времени она спокойно относилась к тому, что на планете мало людей. В ее классе учились всего пять человек, но и в этом девушка не видела ничего странного. И только в последнее время она стала все чаще задумываться: а что же дальше? Закончив школу, Дженифер хотела продолжать учиться, мечтала поступить в институт, но на Лауре не было никаких учебных заведений, кроме школы. Это значит... Это значит, что... скорее всего, ей предстоит расставание с отцом.

Тагор Рол это прекрасно понимал. «И вообще, – подумала Дженни. – Тут даже не с кем сходить на дискотеку. Ну в самом деле, не танцевать же все время с Норри Чавесом».

«Ха-ха!» Девушка вспомнила, как забавно краснел и злился Норри, когда танцевала с другим одноклассником, Мартином Кукочем. Иногда Дженни специально выбирала шуплого и плохо танцующего Кукоча, для того чтобы позлить здоровяка Чавеса. Норри, с трудом одолевший школьную программу и мечтавший о карьере профессионального боксера, почему-то считал Дженни своей девушкой, но она сама не была согласна с таким положением вещей и всячески старалась продемонстрировать независимость...

«Да. Хорошо тем, кто живет в больших городах, там от поклонников нет отбоя. А тут, в глуши, и выбирать не из кого!» Дженифер вытянула длинные стройные ноги, разглядывая себя. Грациозно приподнялась на кровати, присев на край и придерживая волосы руками. Выгнулась всем телом. По многочисленным сериалам она знала, что именно так надо сводить мужчин с ума...

«Было бы кого сводить с ума», – расстроено подумала Дженифер.

– Ой! Ой! – девушка даже подпрыгнула на кровати и начала резво бегать по комнате. Она вспомнила, что сегодня во второй половине дня на Лауру прибывает очередной грузовик с партией оборудования для геологов! Как обычно, корабль несколько дней будет проходить регламентные работы в порту, а экипаж... Экипаж в это время получит увольнение на планету.

– Ха-ха, – пропела Дженифер, ненадолго замирая перед зеркалом. – Сегодня даже есть для кого сделать а-а-собый макияж.

Девушка с веселым криком устремилась в ванну, подставила плечи и спину под упругие струи воды, бившие со всех сторон. Так, теперь сделать похолоднее! Она фыркала и плескалась, прикидывая, что сегодня наденет короткие облегающие шорты. Жаль, сейчас слишком жарко, чтобы носить колготки. Это почему-то всегда заводит мужчин... Но ее стройные загорелые ноги и так никого из экипажа не оставят равнодушным! И – да! – обязательно надеть ту легкомысленную полупрозрачную футболку, которая делает ее фигуру неотразимой. Длинные волосы – по плечам, косметику – поярче, сегодня особый день! Не забыть бы позавтракать!

– Папка! – она вылетела из ванной, на ходу набирая номер Тагора Рола и устремляясь на кухню. – Папка! Я обязательно забегу к тебе, днем! А вечером меня рано не жди...

* * *

Дверь за старшим лейтенантом Дмитревским закрылась. Седой человек, с глазами, в которых читалась страшная усталость, медленно прошелся по кабинету, от стола до окна, постоял немного, глядя на вспышки стартующих кораблей. За долгие годы работы в Звездном Надзоре эта постоянная суэта стала привычной, родной. Въелась в кожу, как пыль в лицо геолога-разработчика. Адмирал вернулся к столу, сел в кресло, отодвинул бумаги в сторону. Под ними лежала трубка, обычная курительная трубка. Норт Свенссон долго смотрел на нее, вспоминая. Он бросил курить много лет назад и редко доставал трубку из дальнего ящика стола.

Командир Звездного Надзора всегда призывал офицеров к здоровому образу жизни, и, уж конечно, никто из них не знал, что когда-то Адмирал был другим... Очень давно.

– Двадцать три года, – прошептали губы. – Нет, двадцать семь, если считать с *самого начала*. Или уже двадцать восемь? Да, почти двадцать восемь. И все равно от этого не уйдешь, никогда не уйдешь.

Он крепко зажал мундштук зубами, вернулся к иллюминатору и застыл, посасывая пустую трубку.

– Папа! – ворвался в ходовое отделение «грузовика» солнечный мальчишеский голосок, и пилот улыбнулся. – Папа!!! Я знаю, ты уже близко! Мы слышали позывные твоего корабля! Ты возвращаешься?

– Сынок! – прошептал пилот по имени Ларсен. – Как же я по тебе соскучился...

– Папка!

– Привет, Хенрик! Я вижу вас с мамой на обзорных мониторах! Знаешь, как красива наша Соната из космоса? Она сияет огнями, как новогодняя елка. Ты уже вырос, сынок?

– Папка, да ты же совсем близко! – зазвенел восторженный колокольчик, и седой старик в мундире адмирала болезненно сморщился, изо всех сил, до судорог, сжимая мундштук пустой трубки зубами. – Папка! Тебя так долго не было! Я уже совсем большой! Мама говорит, что я скоро тоже смогу водить корабли и буду лучшим пилотом созвездия, как ты. Правда?

– Правда, малыш! – улыбнулся счастливый отец, протирая глаза. Соринка попала, что ли? Его «грузовик», благополучно завершив серию нелегких рейсов, возвращался домой. Домой, на отдых. И Ларсен был несказанно рад тому, что слышит голос сына прямо сейчас, еще из космоса, даже не совершив посадку на космодром.

И вдруг слова застряли в горле пилота. Коротко пискнули детекторы гиперперехода, фиксируя появление большой массы в непосредственной близости от грузовика. Две черные тени, хищно вынырнувшие из глубин космоса, скользнули поперек обзорного экрана. Корабли полным ходом шли к сияющему в вечной галактической ночи цветку.

Тревожно загудел зуммер бортового анализатора: «Нет идентификации». На чужих звездолетах были выключены сигналы опознавания. Ларсен задохнулся. Круги метались перед глазами.

– Центральный! – заорал он не своим голосом, мигом сдвигая регулятор усиления передатчика на максимум. – Мать вашу!!! Вы что, спите?! Атака из сектора пятнадцать, два корабля!!! Срочно тревогу-эвакуацию населению! Где заслон?!

– Папка, ты кричишь мне в ухо таким страшным голосом... – пропел обиженный колокольчик. – Ты чего? Папка! Играешь со мной в бандитов, да? – переливистая трель смеха. – Я так счастлив, что ты снова будешь дома, с нами! Мама совсем не умеет играть в прятки. И в гангстеров. С тобой я никого не боюсь. Папка! Папка... Что это?! Что это воет над головой?

Вцепившись побелевшими пальцами в пульт управления, Ларсен смотрел, как два корабля, совершив идеально правильный разворот над сияющим в ночи городом, стремительно удаляются вверх. На планету, сказочную новогоднюю елку, неторопливо падали пузатые капли. Отсюда, издали, они казались совсем маленькими и совершенно безобидными. Но Ларсен знал, что такой смерть представляется всегда. Издали или вблизи,

со стороны она кажется безобидной. И ничего нельзя было сделать. Он не успевал. Не успевал. Хотя и самую малость...

Через миг две сверхмощные вспышки термоядерных разрядов заставили погаснуть все обзорные экраны. Он не закрыл глаза. Ларсен хотел ослепнуть, чтобы не видеть всего этого, не видеть больше ничего. Он уже ослеп от горя. На него упала бомба, на него, не на сына. Не на жену, нет! Не на его дом, которого больше не существовало.

Он вернулся слишком поздно. Слишком поздно, чтобы спасти. Слишком поздно даже для того, чтобы просто быть там, с ними рядом. Еще через миг вспышки погасли, огромные клубы светящейся пыли окутали планету, а потом из завертевшегося лохматыми воронками дыма неторопливо поползли в разные стороны безжизненные мертвые куски камня.

– А-а-а! – кричал человек в командной рубке. Он не ослеп, не ослеп. Ларсен все видел, видел потому, что умная автоматика успела погасить, затемнить экраны, сберегая глаза пилота. – А-а-а! – Руки сорвали пломбы предохранительной автоматики, вырубая процессор. Нога ударила по педали, страшный рывок ускорения вмял тело в кресло, разрывая сосуды.

Скрипели и стонали крепления в ходовой рубке, металл тонко пел и лопался, а человек все вдавливал в палубу педаль управления форсажным режимом, сжимая белыми, совершенно бескровными пальцами штурвал. Грузовой корабль заложил широкую дугу, догоняя уходившие от мертвой планеты корабли.

Активация противометеоритного орудия... Запуск электронного прицела, подсветка... Селекция цели... В перекрестии быстро промелькнул силуэт одного из убийц, Ларсен сработал штурвалом и маневровыми двигателями, заставляя чужой звездолет вернуться в центр, на пересечение тонких светящихся линий. Пилот давил на педаль, выжимая из двигателя максимум линейной скорости. Металл стонал, что-то сорвалось с крепежной стойки, прямо за спиной, со скрежетом проползло через всю рубку, ударилось в противоположную стену. Звон осколков... Ларсен даже не думал о том, что это было. Возможно, его собственное сердце.

Как только силуэт в прицеле вырос, он вдавил гашетку огня. Пропитавшийся человеческой ненавистью корабль трясся, выпуская заряд за зарядом. От обшивки идущего впереди звездолета летели клочья, он попытался сманеврировать, но Ларсен не зря считался лучшим пилотом этого сектора Галактики. Если бы не Великая Анархия, разбившая человечество на отдельные кланы, на местные «княжества», он мог бы учить других летать. Он не был бы пилотом транспортника, перевозившего из одной звездной системы в другую нужные людям грузы. Он выучил бы на пилота своего сына. Щедро делился бы своим искусством со всеми.

Но и Ларсен, и его сын имели несчастье родиться не в то время, потому пилот давил на гашетку огня, и ему было безразлично – развалится судно на куски или нет. От убийцы, висевшего в рамке прицела и безрезультатно пытавшегося сманеврировать, по-прежнему летели обломки. Вот, наконец, пушка Ларсена пробила броню и снаряды начали крошить начинку корабля.

Огромная вспышка залила экран лобового обзора. Было ли это топливо или взорвались баки с кислородом, пилот не успел подумать. Руки на автомате дернули штурвал вверх, надеясь погасить ударную гравитационную волну. Обшивка грузовика стонала, мониторы выходили из строя один за другим. А

Ларсен молился о том, чтобы уцелел ходовой обзорный экран, потому что еще оставался другой убийца, которого обязательно следовало покарать.

Пилот нашел второй корабль довольно быстро, тот стремительно уходил в сторону светила, надеясь спрятаться в сияющей короне звезды, сбить с толку как человеческие глаза, так и локаторы преследовавшего его судна.

– А-а-а! – рычал Ларсен в рубке грузовика, лишь недавно мотавшийся между планетными системами и ни за что не желавший поступать на военный флот. Еще вчера его знали, как самого веселого балагура в эфире... Он был мужем и счастливым отцом. Вчера, в другой жизни. Сейчас он догонял второго убийцу и не думал о том, что будет после того, как корабль бандитов исчезнет навеки. Он лишь выжимал из двигателя предельную мощность, уверенно контролируя растущий силуэт в прицеле. Залп! Пушка дернулась несколько раз и захлебнулась. Запас снарядов был израсходован.

Пилот вывел двигатели на форсаж и застыл. Через несколько минут убежавшее судно заполнило собой весь обзорный экран. Ларсен хорошо видел вспыхивавшие сигнальные огни, вращающиеся антенны радаров, растущую на глазах рубку управления. Вот уже различимы царапины на корпусе, разбитые иллюминаторы. Удар!

Обшивка беглеца, словно вспоротая гигантским ножом, раскрылась. В этот миг страшная волна крутанула оба корабля, взорвались кислородные баки. Суда развалились на части, вспыхивая. Ларсена выбросило из ходовой рубки вперед, шлем на его скафандре автоматически защелкнулся, как только давление стало падать. Сквозь толстое стекло пилот увидел, как из ходовой рубки корабля – убийцы выбросило человека. Его крутило в пространстве, руки и ноги нелепо болтались, как если бы кто-то, не переставая, дергал за ниточки, пришитые к тряпичной кукле.

Тряпичную куклу несло навстречу фрагменту разбитого судна. Скафандр чиркнул по острой, разлохмаченной взрывом кромке обшивки. Через миг в стекле гермошлема мелькнули наполненные ужасом глаза, легкое, невесомое облачко кислорода выскользнуло из чужого скафандра, превращаясь в кристаллики, а затем что-то лопнуло в лоскутках, как воздушный шарик. Во все стороны полетели застывающие кровавые сгустки. Потом Ларсен потерял сознание.

Спустя несколько часов его подобрал санитарный корабль. Крейсера армии и спасатели прибыли в систему после того, как замолчали все передатчики Сонаты. Сигнал SOS – тот, что в авторежиме передавал скафандр Ларсена, – был единственным, который смогли засечь чуткие пеленгаторы. Пилот грузовика был первым и последним, кого увозил на борту санитарный корабль.

Ларсена больше не существовало, в прошлом осталась планета, где когда-то он бегал босиком по траве. Где встретил ее где любимая женщина сделала его счастливым человеком, подарив сына. Где потом, уже позднее, учил Хенрика всему, что умел сам. Где уходил в космос из дома, случалось – надолго, но всегда – чтобы вернуться, чтобы снова услышать: «Ну вот и ты». Обнять. Он знал, что уже никогда не прозвучат эти слова. И его сын не сможет стать лучшим пилотом.

...Великая Анархия медленно умирала. Съеживалась, шипела и плевалась ядом, как змея, но отступала. Разброду кланов и бесконечным междоусобным войнам надо было положить конец. Создававшийся Звездный Надзор был тем местом, где Норт Свенссон собирался

провести остаток своих дней. Молодого, бесстрашного офицера ценило начальство. Тогда, в первые годы, все было просто. Лучшие быстро шли вверх. Человечество, задыхавшееся в дыму бесконечных войн, мечтало о мире.

Норт Свенссон, ненавидевший террористов, отдававший все силы Надзору, стремительно поднимался по служебной лестнице. Пока, в конце концов, не занял это кресло...

Он ничего не забыл. Просто все было схоронено под толстым пластом прожитых лет: и молодой пилот Ларсен, и сгоревшая в огне Соната, и даже трубка, пришедшая к Адмиралу из тех далеких времен. Но вчера, когда десантники вытащили из грота молодую женщину с мертвой девочкой на руках, *это* вернулось.

– У меня мог быть такой же сын, – прошептал Адмирал, когда закрылась дверь за старшим лейтенантом Дмитревским. – Такой же горячий, упрямый и... и честный. По возрасту вы подходите...

– Адмирал Норт Свенссон, – мелодично пропел на столе коммуникатор. – Экспресс-катер для отправки к борту крейсера ожидает вас. Напоминаю, через два часа запланирован отчет правительству Межгалактического Союза по операции на Денте-пять.

– Да все я помню, – тихо проговорил Адмирал, вытаскивая трубку изо рта, осторожно проводя по ней морщинистой ладонью. Свенссон открыл нижний ящик стола, убрал ее внутрь. – Все я помню. Ничего не забыл...

* * *

– Обе турбины – стоп! Правая – малый ход! Стоп! – подавал команды на ходовой мостик Альфредо Карлос, напряженно всматриваясь через иллюминатор выходного шлюза в маячивший по правому борту силуэт аварийного катера.

Рядом с ним с газовым ружьем в руках застыл боцман «Одинокого Бродяги», Валдис Крапикас. Капитан грузовика Николас Болдвейн, подчиняясь командам старпома, выравнял ход судна.

– Левая машина назад! Стоп! Обе турбины – малый ход! Гут! – Альфредо Карлос удовлетворенно улыбнулся, уступая место у иллюминатора боцману. Тот прильнул к стеклу, глядя на прогулочный катер. Теперь скорости кораблей совпадали, оба судна шли параллельными курсами, на небольшом удалении друг от друга.

– Что там, старпом? – прозвучал в переговорнике голос Николаса Болдвейна. – Настроили?

– Так точно, сэр, – Карлос шутливо вскинул руку к виску, хотя командир «Бродяги» не мог видеть своего помощника. – Идем параллельными курсами. Боцман выходит на охоту.

– Давайте поаккуратнее, ребята, чтоб мне без глупостей.

Альфредо повернулся к Валдису, который уже опускал гермозабрало скафандра на лицо.

– Ну что, не промахнешься, снайпер? – улыбаясь, спросил он. Стекло его шлема все еще оставалось открытым.

– Первый раз, что ли? – деловито проверяя ружье, уточнил боцман. – Пора открывать шлюз, Альфредо.

– ОК, – прозрачный щиток скользнул на лицо старпома.

– Активирую связь, раз-два-три, проверка. Мостик, как слышите?

– Слышу хорошо, – тут же отозвался Болдвейн.

– Боцман, раз-два-три, настройка громкости, как слышимость?

– Ты орешь мне в ухо, старая калоша, – проворчал Крапикас, морщась и убавляя громкость динамиков.

– Раз-два-три.

– Теперь все путем. Открывай.

Легко и беззвучно скользнула в сторону створка выходного шлюза, скрываясь в боковом пазу. Боцман сделал шаг вперед, к проему, поднял ствол.

– Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять... – легкомысленно пропел Карлос, со стороны наблюдая за действиями боцмана.

– Не гундось под руку, – Крапикас поймал в прицел аварийный катер.

Тумм! Отдача швырнула боцмана назад, он потерял равновесие, но твердая рука Альфредо Карлоса поймала товарища, удержала от удара о переборку шлюза.

– Благодарю, старпом...

– Потом сочтемся? Бутылка текилы?

– Ну что там у вас? – вновь прозвучал в динамиках тревожный голос Николаса Болдвейна.

– Да боцман тут хотел полетать немного, а я вернул его на грешную землю... палубу...

Все в порядке, кэп.

– Я спрашиваю, как выстрел?

– Вроде идет как надо.

Оба человека в выходной камере наблюдали за светящейся точкой «присоски», быстро удалявшейся от борта сухогруза в сторону «прогулочника». Длинный прочный шнур тянулся за электромагнитной головкой, бухта у ног боцмана разматывалась и худела на глазах.

– Хватит троса? – озабоченно спросил Карлос.

– По прицелу расстояние проверял, – без тени сомнения ответил боцман. – В аккурат на три четверти длины.

Валдис Крапикас не ошибся. Трос разматался почти полностью, когда «присоска» достигла борта катера. В безвоздушном пространстве люди не слышали никаких звуков, но загоревшийся ярко-зеленый сигнал на головке дал знать, что электромагнит сработал.

– Отличный выстрел, Валдис! – одобрительно произнес старпом. – В стороне от выходного шлюза катера, и дурацкие иллюминаторы не зацепил...

Крапикас скупно улыбнулся. Да, иллюминаторы катера были проблемой – слишком большие. Совершенно нелогично с точки зрения безопасности судна, но прогулочный катер – есть прогулочный катер... Хорошо, что удалось посадить присоску на ровный стальной бок чужой посудыны, это позволяет надеяться, что «рыбка» не сорвется с крючка.

– Давай максимальную мощность на магнит, – распорядился старпом, заводя сверхпрочный металлический трос в барабан лебедки и зажимая хвостовик. – Центральный!

– Слушаю, Альфредо! – тут же отозвался с мостика Болдвейн.

– Мы включаем лебедку, следите за чертовой посудиною, чтоб в борт не ударила.

– Отлично, старпом, приступайте.

– Кэп, как там на аварийном судне. Что говорят?

– Пока подтвердили, что все благополучно. Ждут наших дальнейших указаний...

– Славненько. Кэп, передай им, ждать осталось недолго. Поехали, Валдис!

Корпус «Бродяги» завибрировал, когда Альфредо Карлос подал ток на лебедку. Барабан быстро выбрал слабину, трос натянулся, катер медленно, почти неразличимо на глаз, поддался усилию, стал сближаться с «Бродягой».

– Ну вот, – весело сказал Альфредо. – «Присоска» выдержала, трос не лопнул, тьфу-тьфу-тьфу. Минут через десять подтянем консервную банку к борту и вытащим этих раздолбаев...

* * *

День тянулся жутко медленно. Дженифер придумала тысячу мелочей, чтобы заставить стрелки часов двигаться быстрее. Она перемыла полы в доме, вытерла пыль во всех комнатах, долго обсуждала по видеofону с Миленой Райдер, школьной подругой, предстоящую посадку

грузового корабля. Стрелки еле ползли по циферблату... Положение не спас даже любимый сериал, который как раз подвернулся под руку на одном из каналов головизора.

Немного развеселил девушку Норри Чавес, который без приглашения заявился в гости. Дженифер как раз заканчивала уборку в доме, размышляя о том, не следует ли еще раз сбежать под душ и накраситься поярче? И тут раздался звонок в дверь...

– Ой! – воскликнула Дженифер, увидев на пороге Чавеса. – Какие гости, да еще и без приглашения!

– Прости, Дженни, – Норри неловко переминался с ноги на ногу. Он и в обычные дни не очень складно выражался, а сегодня просто превзошел сам себя. – Тут... мне... надо...

– Что тебе надо, зайчик? – легкомысленно пропела девушка, разглядывая свое отражение в зеркале и думая о приближающемся к планете корабле.

– Дженифер! – Норри собрался с духом, его речь стала отрывистой, резкой. – Я хочу поговорить с тобой серьезно.

– Ты способен разговаривать серьезно, Чавес? – Дженни картинно уперла руки в бока, ее сочные упругие груди четко обрисовались под облегающей футболкой.

Норри окинул девушку быстрым взглядом, отвел глаза в сторону, краснея.

– Так что? – Дженифер откровенно дразнила одноклассника, наслаждаясь его беспомощностью.

– Дженни, давай пройдем в дом, сядем, – Норри снова сбился, потерял нужный настрой.

Они прошли в комнату, расположились в мягких креслах. Дженифер тут же вытянула вперед длинные стройные ноги, подумав, закинула одну на другую. Она точно знала, что так выглядит совершенно неотразимо.

– Дженни, – начал Чавес, старательно разглядывая ковер у ног одноклассницы. – Я уезжаю.

– Да ты что? – непритворно удивилась девушка, подаваясь вперед и быстрыми движениями головы отбрасывая длинные волосы с лица. – Куда это ты?

– Ты знаешь, я всегда мечтал... – речь парня стала быстрой, сбивчивой. – Я хотел... выступать на ринге... профессиональным бойцом... быть. Да. Вот. И мне предложили. Пройти тесты в школе боя. У Джуда Ли. Слышала?

– У самого Джуда Ли?! – Дженифер закатила глаза, изображая обморок и откидываясь в кресле. – Конечно, слышала! Вот это да! Он берет тебя в свою школу?!

– Ну, берет или нет – рано еще... Говорить. Но тесты... Понимаешь, я улетаю через неделю.

– Молодец! – Дженифер подпрыгнула от восторга, перегнулась вперед и хлопнула одноклассника по плечу. – Вот будет круто! Лет через пять ты станешь знаменитым на весь Мега-Союз бойцом, и я всем буду рассказывать, что Норри Чавес – мой хороший знакомый. Как мне будут завидовать!

– Дженни, – слова застряли в горле парня. – Я бы хотел... я бы хотел... чтобы ты... поехала со мной. Со мной, понимаешь? Вот.

Он, наконец, произнес самое главное, и теперь, когда *это* осталось позади, почувствовал облегчение. Пусть даже услышит «нет», но он сделал все, что от него зависело.

– Что? Что ты сказал? – улыбка медленно сползала с лица девушки.

– Чтобы ты поехала со мной! – упрямо повторил Норри, поднимая глаза. Его взгляд встретился со взглядом девушки, и Дженифер часто-часто заморгала.

– Норри... ты... – запинаясь, пробормотала она. Такой поворот событий поставил ее в тупик. – Я не... я никогда... не думала... не думала об этом, понимаешь? Я не... не готова к таким решениям.

– Но эти слова не означают отказ? – парень напряженно искал ответ в темных глазах девушки.

– Норри, – Дженифер поднялась с кресла, прошла по комнате, сжимая виски ладонями. – Норри. Я ничего не могу тебе сказать... сейчас. Давай вернемся к этому потом. Хорошо?

– Когда?

– Потом, позже. Не сейчас, – ей хотелось любым способом оттянуть трудное разбирательство с поклонником.

– Хорошо, Дженифер. Через неделю я улетаю. Теперь ты все знаешь. Я буду ждать ответа...

– Договорились, Норри, – девушка не знала, как закончить трудный разговор.

– Мне уходить? – глупо спросил Норри, поднимаясь с кресла вслед за Дженифер и неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Лучше... да. Норри... Я бы хотела... немного побыть одна.

– Счастливо, Дженни, – дверь за ним закрылась, и девушка облегченно опустилась в кресло. – Фух! – после паузы сказала она самой себе. – Надо же, какой странный день...

Она застыла на месте, размышляя. Вызов коммуникатора заставил девушку вздрогнуть. Дженни не захотела активировать дисплей видеофона, ограничилась ответом по трубке:

– Алло?

– Дженни, это отец. Ты одна?

– Да, папа. А почему ты задал такой вопрос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.